

И.В. Сохань

ФАСТ-ФУД КАК АКТУАЛЬНАЯ ГАСТРОНОМИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА ПОТРЕБЛЕНИЯ

Гастрономические практики потребления являются одним из главных способов формирования телесной идентичности человека, маркером его культурного и социального статуса. Специфика пищи как материального носителя символов и знаков, усваиваемых на уровне наиболее непосредственного телесного опыта, определяет ее потребление в качестве сложной системы коммуникативных связей. Актуальная сегодня практика потребления пищи в форме фаст-фуд регистрирует новые формы и способы не только гастрономических коммуникаций, но и отношений человека и власти, нового гендерного порядка — можно утверждать, что именно в формате фаст-фуд, «мак-пище», впервые символическое содержание еды преодолело и поглотило ее физический и технический аспекты.

Ключевые слова: *гастрономическая культура, коммуникация, потребление, утопия, фаст-фуд.*

Key words: *communication, consumption, fast food, gastronomic culture, Utopia.*

Фаст-фуд можно считать одной из наиболее актуальных сегодня гастрономических практик — наряду с гастрономическим туризмом (виртуальным и реальным), усилением интереса к изучению и практикованию кулинарного искусства фаст-фуд является гастрономическим дискурсом, неизбежно вовлекающим каждого человека, и, в определенном смысле, неизбежно провоцирующим его на активное потребление. Необходимо определиться с основными дефинициями фаст-фуда, на понимание которого существует две основные точки зрения. Первая принадлежит Ф. Фернандесу-Арместо (Felipe Fernandez-Armesto 2002), который считает, что фаст-фудом смело можно назвать любую пищу быстрого приготовления, съеденную на бегу или во время перекуса, ныне приобретающего все большую актуальность как выражающего особую темпо-

ральность жизни в мегаполисе. Напротив, Октавио Пас (Пас 1996) генетически связывает фаст-фуд с американским типом культуры как ее наиболее предпочтительный гастрономический формат. В этом плане фаст-фуд оказывается исключительно индустриализированной пищей, главное в которой — ее приготовление не самим потребителем, а неким анонимным институтом, который кормит, реализуя особую модель потребления пищи: есть тот, кто кормит — не только обеспечивает едой, но едой уже приготовленной, — и есть кормимый — тот, кто пищу не готовит, но получает в уже годном к употреблению виде. Фаст-фуд инициирует возможность исключения из ряда базовых повседневных гастрономических практик приготовление пищи, что, на первый взгляд, может показаться безобидным избавлением от обременяющей необходимости, но на самом деле может привести к изменениям в самой структуре семьи вплоть до ее исчезновения как таковой, по мнению Р. Рэнгем (Wrangham 2009).

Учитывая глубину и многообразие феномена фаст-фуд, попытаемся обозначить его социальные и культурные основания, прежде всего с точки зрения самой структуры гастрономической культуры, которая включает в себя: предкулинарный порядок, собственно кулинарный, гастрономический порядок, рефлексию над гастрономическим (которая, в свою очередь, может быть многоуровневой, но первично представляет собой возможность создания кулинарной книги как репрезентанта данного типа гастрономической культуры).

Предкулинарный порядок является начальной стадией коммуникации человека и его пищи, когда природное существо подвергается обработке с помощью средств культуры — обработка земли, выращивание растений и животных уже есть в некоторой степени приготовление пищи. В этом отношении следует заметить, что отношение человека к пище естественной, наиболее сохранившей свое природной содержание, и к пище, претерпевшей максимальную обработку, всегда было разным и зависело от той степени цивилизованности, в рамках которой мыслил себя человек. Так, пишет Ж. Ле Гофф (Ле Гофф, Трюон 2008), для средневекового человека выращенное на подворье животное было более приоритетным, нежели лесная дичь, потому что его представление о своем статусе в качестве культурного существа должно было поддерживаться и соответствующими гастрономическими приоритетами — в частности, приготовлением в пищу того, что уже прошло предварительную обработку и не является столь натуральным, как только что изъятое у природы. Стремление оцивизовываться посредством ненатуральной пищи характерно для всякого примитивного человека — при столкновении с цивилизацией абориген предпочтет цивилизованную консервированную еду еще и по той причине, что она будет обозначать скачок его культурного статуса посредством непосредственного воздействия на телесность. Этот же феномен характеризует и гастрономический опыт советского человека, приобретаемый им при столкновении с достижениями западной пищевой промышленности. В представлении советского человека пища маркировалась как советская и западная в соответствии с тем, насколько ее можно было воспроизвести в домашних условиях — яркие упаковки, изменение натурального вкуса продуктов — все это воспринималось маркерами иного телесного статуса, и, соответственно, иной жизни. Эти харак-

теристики пищи казались важнее приоритетного в нынешнем гастрономическом дискурсе кодирования еды как натуральной, а, значит, здоровой, и искусственной — следовательно, вредной для здоровья. Наоборот, западная пища воспринималась в качестве актуального телесного опыта лучшей жизни, поэтому, как и в остальных случаях, критерий оцивилизации оказался более важным, нежели все остальные ее параметры.

В фаст-фуде предкулинарная стадия отдана на откуп пищевой промышленности, которая изменяет изначальное природное содержание продуктов — создает генетически модифицированные продукты, заботясь об изобилии; злоупотребляет химическими добавками ради внешнего глянца и долгосрочности хранения — в целом, максимально выносит продукты за рамки природного цикла их воспроизводства, подменяя реальное содержание определенными символическими характеристиками.

Собственно кулинарный уровень гастрономической культуры содержит в себе все богатство рецептуры приготовления продуктов, способы их обработки, характерные для данного региона (национальной культуры и т. д.) и отражающие не только специфику природного в его связи с человеческой культурой, но и весь диапазон культурной символики, материальным носителем которой является пища. Базовым коммуникативным паттерном здесь является связь приготовляемой повседневной пищи с женщиной, т. к. архетип женщины как хранительницы домашнего очага оказывается характерным не только для традиционной культуры, но, и, по словам К. Леви-Строса, его следует принять как априорное основание гастрономической культуры вообще — авторство повседневной пищи закреплено за женщиной (в то время как праздничная еда с ее иными, зачастую противоположными смыслами, обнаруживает себя как прерогатива мужчины).

Собственно кулинарный, как и предкулинарный уровень гастрономической культуры в фаст-фуде отдан на откуп пищевой индустрии, которая стремится предлагать человеку готовую к употреблению еду, выводя кухню, практики приготовления пищи за рамки привычной архитектоники его повседневного бытия. Таким образом разрушается и связь женщины с повседневной пищей, которую Р. Рэнгем называется базовой для существования семьи вообще. Впрочем, последнее замечание следует воспринимать только как гипотезу, верифицировать которую можно только при весьма тщательном анализе феномена фаст-фуда.

Что касается гастрономического уровня, то в фаст-фуде он подвергнут определенной девальвации, т. к. функция застольного этикета сильно опрощена — с одной стороны, застольные практики потребления фаст-фуда не требуют не только предметного наполнения пространства трапезы (упразднение посуды — замена ее на одноразовые симулякры); но и вытесняют саму идею приема пищи как коммуникативного топоса в рамках «человек и его пища» и «человек, его пища и сотрапезники». В фаст-фуде гипертрофированно представлены два уровня гастрономического потребления — в одиночестве, на бегу, как перекус, где доминирует идея пищи как топлива, поставляемого в функционализированную телесность; и — фаст-фуд может рассматриваться экстремально публичным про-

странством приема пищи, где все со всеми и одновременно каждый сам по себе. Этот вариант наиболее представлен в архитектонике Макдональдс, которую можно рассматривать в стилистике паноптикума.

Обращаясь к последнему уровню гастрономической культуры, понимаемому как возможность гастрономической рефлексии, необходимо выделить ее специфичность в отношении фаст-фуда. Первичная гастрономическая рефлексия дана как традиционный вариант репрезентации гастрономической культуры — в формате кулинарной книги, которая, как это представляется с должной долей очевидности, в отношении фаст-фуда невозможна. Тем более компенсирующим потенциалом обладает рефлексия над феноменом фаст-фуда средствами гуманитаристики — результаты такой рефлексии могут быть весьма впечатляющими в плане обнаружения тесной связи актуальных гастрономических практик и приоритетных способов формирования антропной идентичности.

Как было отмечено выше, фаст фуд генетически связан с американской культурой — утопической по основным параметрам своего формирования и существования. Исходные принципы формирования американской культуры носят абсолютно утопический характер — но, обнаруживая в американском типе культуры утопические черты, мы должны понимать, что они не были следствием какого-то конкретного плана-проекта, скорее — они есть следствие самой логики становления эмигрантского типа культуры, одним из результатов которого стала особая гастрономическая политика под названием фаст-фуд. Фаст-фуд — не столько облегченный вариант (из-за явного обеднения семантики по отношению к традиционной) гастрономической культуры, сколько квинтэссенция утопических представлений о еде, в полном соответствии с утопичностью самой американской культуры: «Худшая из американских ценностей — современная еда» (Семенов 2005: 27).

В основу американского общества лег не естественный ход вещей, историческое стечение обстоятельств, санкционировавших рождение этого типа культуры, а воля человека, его проект построения общества на тех основаниях, которые были сформулированы европейскими утопистами за несколько веков. Эмигранты, стекавшиеся на американский континент со всего мира и обеспечившие изначальную поликультурность будущей стране, были движимы мечтой о новой благополучной жизни, владение благами которой будет в большей степени зависеть от желания каждого, а не от слепых обстоятельств и неправильного общественного устройства. Г.Д. Гачев относит Америку к так называемым ургийным культурам, в основе которых лежит возможность активного преобразования реальности с опорой только на человеческие силы — без вмешательства провиденциальных божественных: «...для американца нет бытия готового, данного и (пред)определенного мне: оно со мною распространяется, пространится...» (Гачев 1997: 235). Америка — культура человеческого замысла, отсюда в ней существует выраженный приоритет цивилизационных параметров в ущерб культурным — культура ведь есть прорастание трансцендентного в человеке сквозь грубую эмпирию его воплощения, а цивилизация — материализованные и сплошь утилитарные технологии и техники существования. Те-

лесность человека теряет свое изначальное экзистенциальное звучание, что чревато значительным упрощением, а, в соответствии с расширением цивилизационных параметров, и значительной функционализацией всех телесных коммуникаций, прежде всего гастрономической.

Большую часть характеристик утопической модели мира можно наблюдать и в американском типе культуры: мечта, урбанизм, новый тип идентичности, противоположный традиционному (включающему в себя и этническую идентичность — на это следует обратить особое внимание, т.к. исследования этнической идентичности все-таки создают определенное представление о значимости национальной пищи для конструирования этнического самосознания. Новый тип идентичности, освобожденный от этнического параметра, потребовал особого типа гастрономической культуры); географическая архитектура утопии выражена в расположении Америки — это материк, омываемый океаном. Утопия основывается на вере в колоссальную значимость социальных условий для человека, которые выступают главной детерминантой его личности — поэтому в основе Америки была идея нации, которая породила народ — социальный договор о будущем проекте создания особого общественного проекта был раньше его исторических условий — основного агента этого проекта, народа: «И все-таки в истоке своем, и во все периоды своего формирования Соединенные Штаты — не рок, а выбор. Американцы воспитаны не сложившимся обществом, а его проектом. Американская конституция это общественный договор, дающий начало новой нации, а потому предшествующий истории» (Пас 1996: 152).

Еще один признак утопической конструкции в американской культуре — это ее внеположенность истории как попытка избавиться от первичного исторического детерминизма вместе с сопутствующим ему грузом обстоятельств, своей предзаданностью и иррациональностью мешающих чистоте создаваемого проекта: «Как только Америка интегрировалась в западную историю, она стала объективацией утопии именно потому, что с самого начала, сперва в глазах европейцев, а затем и самих американцев, предоставила утопии две ее главные составляющие — пространство, или территорию, где она могла воплотиться, и время — историю без прошлого, на основе которой можно легко создать будущее» (Аинса 1999: 127). Во всякой классической утопии мы находим глубочайшую веру в человеческий разум и рациональность, которые избегают темной стороны человека, общества, истории, тем, что создают логическую картину реальности и вытесняют то, что туда не вписывается — за пространственно-временные пределы утопии. Фаст-фуд — это и интенсивно распространяемая гастрономическая практика современного мультикультурного мира; также фаст-фуд выражает в себе квинтэссенцию культуры еды современного человека.

Принципиальное отличие фаст-фуда — это его неприродное происхождение, фаст-фудом является пища, которая утратила свое природное содержание благодаря воздействию достижений пищевой индустрии, вложившей туда характеристики, которых у нет у естественного продукта — к примеру, вкус фаст-фуда отсылает не к его природным ингредиентам, а к искусственным состав-

ляющим продукта, при этом вкус может воспроизводиться в соответствии с гастрономической памятью, хранящей те или иные вкусовые значения и ассоциирующей их с конкретными продуктами и блюдами. Фаст фуд — это и результат достижений пищевых технологий, которые стоят на страже сытости и изобилия, главных чаяний эмигранта в противовес голоду, выступающему периодическим спутником человеческой истории. Речь идет о постоянной угрозе отсутствия хлеба насущного по причинам: неурожая (детерминированности продуктов питания природными циклами), социального расслоения — когда голод выступал спутником бедности, а также невозможности продления временного ресурса существования продукта. К. Леви Стросс отмечает, что как обработка пищи огнем является ее культурной (антропной) обработкой, так и гниение/разложение пищи является, в противоположность, ее природным законом. Напоминаем, что технологическая обработка пищи семантически продолжает идею обработки ее огнем — так что причина доверия достижениям пищевой индустрии еще далеко не исчерпана. Все эти причины в фаст-фуде ликвидированы, и, действительно, пищевые технологии минимализировали природную детерминированность пищи посредством продления временного ресурса ее существования (максимум консервации времени в пище — это собственно консервированная еда, а учитывая, что то, что ест человек, становится им самим, то доверие к достижениям пищевых технологий — это своеобразно репрезентированная вера в собственное бессмертие), практически обеспечив продукту вечное существование; пищевые технологии обеспечили едой всех — в определенных формах, но еда стала доступной всем — так призрак голода отступил (оказался за рамками утопии, где его и предполагалось оставить); пищевые технологии позволили еде оставаться свежей и приятной на вид максимально долго.

Фаст-фуд, как результат достижений пищевой индустрии, является еще и воплощением рационализированной еды. В самом деле, если взять простую, не подверженную сложной кулинарной обработке еду, то обнаруживается ее замечательное качество — она не тождественна себе (не является тождественной своему прямому назначению кормления, она содержит в себе сонм культурных смыслов, которые расширяют значение трапезы) и отражает существенные качества трапезы, которые маркируют ее как человеческую в отличие от животного акта поедания пищи — это способность и возможность трапезы быть коммуникативным пространством, и обработанность пищи огнем, вносящим трансцендентное измерение в изначально природно-физиологический акт потребления еды и создающим собственно гастрономическое пространство. Вообще, нетождественность пищи самой себе и позволяет вносить в нее бесчисленное множество культурных значений — в этом смысле самой сложной едой бывает еда праздничная и ритуальная. Но, с психоаналитической точки зрения, нетождественность пищи себе позволяет выразить и реализовать в ней одобряемые культурной средой стратегии удовольствия, стремление к которому З. Фрейд считал базисной человеческой мотивацией. Отсюда тема гастрономических перверсий, обжорства как потакания невоздержанной телесности, кулинарных изысков отражает прежде всего природу

ничем не ограниченного и стремящегося к абсолютности желания-удовольствия.

Но в абсолютно рациональном питании желания нет — в нем продукт как раз сводим к самому себе. Поэтому утопические проекты культуры еды все как один предлагают рационализированное питание как идеал, в некоторых случаях оно сдобрено медикалистским дискурсом, и как основная цель полагается вариант питания в виде таблеток и порошков — когда все культурные составляющие пищи будут устранены и еда достигнет своей первоначальной с точки зрения утопии цели — станет средством поддержания физического состояния человека, достаточного для его функционирования как живого существа. Так, с точки зрения рациональности утопии фаст-фуд состоялся именно как утопический гастрономический проект — это функциональная еда, в которой даже избыточность жиров и углеводов преследует свою цель — быстрее насыщение и максимальная энергоемкость пищи, ведь тело должно трудиться: «Не удовольствие, а здоровье, не переключка вкусов, а удовлетворение потребностей — вот главные здешние ценности. Одна — физическая, другая — моральная, но обе они связаны с представлением о теле исключительно как о рабочем механизме» (Пас 1996: 157).

Фаст-фуд как рациональная пища не отвечает сущностной для человека потребности в удовольствии-желании, а наоборот, ее купирует, рационализируя и телесную идентичность человека. Но, парадокс, ведь фаст-фуд как вариант гастрономической культуры возник там, где в основу национального мировоззрения положено частное желание человека, уважение к нему и к его частной жизни и индивидуальным проявлениям, то есть фаст-фуд отражает гастрономические принципы рациональности и минимизации желания человека, свободного и не стремящегося к коллективному дискурсу бытия? Действительно, на первый взгляд, здесь обнаруживается противоречие, и тем важнее внимательно его рассмотреть. По своему существу, фаст-фуд является мощнейшей дисциплинарной практикой — мощнейшей именно потому, что, как и любая гастрономическая практика, воздействует на человека на самом первичном телесном, витальном уровне. А.Я. Сарна рассматривает Макдональдс (как основное фаст-фуд пространство) в форме паноптикума: «...архитектурной конструкции, наглядно демонстрирующей всепроникающий характер надзирающей и дисциплинирующей власти» (Сарна 2000: 146), имея в виду внешнюю структуру Макдональдс, учитывая, что эта сеть заведений быстрого питания отличается высокой степенью инвариантности, где бы ни было расположено, с географической точки зрения, ее представительство. Однако структура паноптикума видится не как выраженная во внешней архитектонике ресторана фаст-фуд, а как присущая ему внутренне — то есть выраженная в семантике фаст-фуда как пищи и в способе потребления этой пищи.

У любой пищи, прежде чем она станет достоянием едока, существуют два автора. В традиционной культуре эти два автора символизировали ее гендерную целостность — мужчина был добытчиком пищи, а женщина в роли хозяйки огня-хранительницы очага ее гастрономическим автором. Пищевая индустрия проделала недолгий путь отчуждения гастрономического авторства в свою

пользу, и это позволило ей претендовать на власть — если то, что съедается, становится предметом власти, то и интеграция власти в съedaемое позволяет ей входить в человека на уровне телесной организации его бытия. В тоталитарном проекте культуры еды власть интегрирует себя в телесное пространство человека посредством дефицитарных гастрономических практик — в определенной степени это продолжение многовековой традиции дисциплинарного воздействия на телесность с целью дисциплинирования (желания прежде всего) и использование высвобождающихся при этом ресурсов — ресурсов духа, которые, как это очевидно на примере субъективности нового советского человека, могут канализироваться в подвиг, представляющий единственно возможный формат экзистирования для тоталитарного субъекта.

Идея культуры фаст-фуда прежде все в изобилии — по сути, в потакании чревоугодию, в постоянной доступности пищи, когда чувство голода представляется феноменом, окончательно исчезнувшим из человеческого бытия. В основе фаст-фуда лежит отношение к телу как к средству для такого присутствия в этом мире, которое обеспечило бы максимальную производительность труда — тело должно трудиться, в этом смысле еда — одна из разновидностей эффективного труда, поэтому она должна быть прежде всего высокотехнологичным процессом, которым и является фаст-фуд. В фаст-фуд устранена богатая семантика пищи: отсутствует трапеза с ее коммуникативным потенциалом; время, которое может быть затрачено на приготовление еды и саму трапезу, отчуждается в пользу труда; обедняется предметная среда — традиционная посуда заменяется одноразовыми аналогами. Но и эти характеристики еще не исчерпывают ряд значений фаст-фуда — в этой еде реализована мечта человека об изобилии, которое есть следствие правильно осуществленного контроля над природой. Человек традиционной культуры почти всегда зависим от биологической среды своего обитания, от капризов климата; при всех приложенных усилиях и энтузиазме он не может гарантировать себе ожидаемого урожая и относительно сытого завтрашнего дня. Ситуации голода, особенно растянутого во времени, весьма травматичны для человеческого бессознательного, как на индивидуальном, так и коллективном уровне. Поэтому помимо «ургийно» направленной идеи успеха и самоактуализации через успех, одна из изначальных ценностей американской культуры — это ценность материального благополучия, прежде всего сытого существования. Ее реализация стала возможной вследствие изначально нарушенного баланса первичного базового отношения «народ-родина» («народ-родная земля»). Г.Д. Гачев неоднократно подчеркивает, что отношения такого родства очень важны для наличия чувства родины, правильно понимаемого патриотизма, ощущения глубокой интимной связи с природой и заботы о ней. Нельзя сказать, что у американского народа отсутствуют обозначенные характеристики, скорее наоборот, их наличие можно считать очевидным. Однако именно изначальная чуждость новой земли для прибывающих туда в поисках новой жизни эмигрантов и позволила рассмотреть ее как источник для разворачивания таких технологий, которые позволили бы сделать жизнь человека прежде всего сытой и благополучной. Так, очевидна параллельность процессов функционализации телесности и функционального,

сугубо потребительского отношения к природе. Изобилие фаст-фуда — это результат многоступенчатой индустриальной обработки продуктов, когда изначальные природные качества пищи утрачиваются. Одна из тем нашумевшей книги М. Спурлока «Фаст-фуд и толстеющая Америка (Спурлок 2005)» — исследование действительного состава основных блюд фаст-фуда. Выводы автора впечатляющи — почти все то, что маркируется как фаст-фуд, являет из себя чудовищную смесь жиров, углеводов и химикатов для сохранения, ароматизации, улучшения вкусовых и эстетических качества продукта — при этом продукт оказывается весьма далеким от своего первичного природного состава, скорее, от него остается некий материальный субстрат. Последний является чистой материальностью, которая и заполняет телесное пространство самоотношения. Именно в фаст-фуде разница между формой и содержанием продукта стала вопиющей, и, как результат, — разрушение физического здоровья нации, о чем в последние годы с нарастающей силой говорят в Америке.

Однако фаст-фуд стал символом не только американского образа жизни; он маркирует собой особый цивилизационный стандарт жизни, принадлежность к которому импонирует большинству людей. Гамбургер и кока-кола — настоящие символы глобализации в сфере питания. Фаст-фуд преодолевает базовую бинарность в культурной кодировке питания, бинарность «пища своя — пища чужая». Не существует более формата питания, который бы находился за рамками такого кодирования, а фаст-фуд универсален, тотален и демократичен одновременно. Преодолев базовую культурную бинарность пищи «свое-чужое», фаст-фуд тяготеет к преодолению и остальных кодов пищи, задавая и предполагая последующие упрощенность, гомогенность, функциональность и унифицированность мирового культурного пространства. Культурное разнообразие национальных кухонь преодолевается в едином социальном пространстве, которое создает унифицированный тип человека: его телесности, мировоззрения, образа жизни, мироощущения. Традиционная пища символизировала не только способ опознавания своего, отделения своего от чужого, но и связь с традицией, укоренность в бытии — нынешняя же функционализация питания ведет к разрыву с культурной традицией, в определенном смысле являясь платой за право почувствовать принадлежность к мировому глобализирующемуся сообществу.

Там, где нет границы между своим и чужим, пропадает разница между пространством дома и внешним, чужим миром. И здесь возникает вопрос о хрупкой границе между бездомностью и космополитизмом — ведь именно между этими двумя возможностями находится человек, преодолевший ключевую бинарность «свое-чужое». Появление фаст-фуда связано с утверждением идентичности в качестве не оседлой, а номадической — ведь именно американская культура вынесла в свой ценностный проект как ключевую — ценность труда, работы, ради которой человек может преодолеть присущую его телесности тенденцию связи с землей, с родным пространством существования — ради возможности трудиться и реализоваться именно через активную деятельность в любом месте, где она окажется необходимой. В таких обстоятельствах потребность в традиционной кухне, в продуктах, которые обычно составляют ее осно-

ву и которые рождает родная земля — такая потребность отодвигается на второй план. Пробуя кулинарное тело чужой национальной культуры, путешественник нуждается и в чем-то, что как иллюстрирует присущую человеку всеядность, так и избавляет от страха перед разрушением его идентичности — в этом и состоит ключевая роль фаст-фуда: «...образцовым примером наступающего космополитизма некоторые антропологи считают американскую кулинарию, а именно — одновременно сосуществование в ней ингредиентов, не определяющих собою единой национальной специфики. Американская кухня с этой точки зрения “суммирует” другие национальные кухни, но не имеет собственной. В целом, это кухня туриста» (Богданов 1999: 225).

Итак, существенными характеристиками и культурными следствиями фаст-фуда являются:

- функционализация питания, означающая и функционализацию телесности;
- понижение семиотичности пищи, утрата ею многообразия культурных значений;
- гомогенизация мирового культурного пространства, связанная с преодолением первичного бинарного кодирования «свое-чужое», которое всегда было актуально, прежде всего на этническом уровне;
- унификация повседневности, тогда как, являясь системой низовых форм культуры и одновременно ее базовой фундаментальной структурой, повседневность в условиях глобализации поддерживает существование и многообразие национальных форм культуры, прежде всего, воплощая национальные формы быта.

Литература

Аинса Ф. Реконструкция утопии. М.: Наследие, 1999.

Богданов К.А. Каннибализм: История одного табу // Альманах «Канун». 1999. Вып. 5.

Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Америка в сравнении с Россией и Славянством. М.: Раритет, 1997.

Ле Гофф Ж., Трюон Н. История тела в средние века / Пер. с фр. Е. Лебедевой. М.: Текст, 2008.

Пас О. Поэзия. Критика. Эротика. Эссе разных лет. М.: Русское феноменологическое общество, 1996.

Сарна А.Я. ПанОптикум «Макдональдс»: кулинария и власть // Топос. 2000. № 1. С. 144–151.

Семенов В.С. О перспективах человека в 21 столетии // Вопросы философии. 2005. № 9.

Спурлок М. Не ешьте эту книгу! Фаст фуд и толстеющая Америка. СПб.: Амфора, 2005.

Fernandez-Armesto F. Near a Thousand Tables: A History of food. New York: The Free Press, 2002.

Wrangham R. Catching Fire: How Cooking Made Us Human. New York: Basic Books, 2009.